

ПУШКИНСКАЯ

БИБЛИОТЕКА

Н.Ф. Шахмагонов

ПОСЛЕДНИЕ ДУЭЛИ
ПУШКИНА
И ЛЕРМОНТОВА

Николай Федорович Шамагонов
Последние дуэли
Пушкина и Лермонтова
Серия «Пушкинская библиотека»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=32544145
Последние дуэли Пушкина и Лермонтова: Вече; 2018
ISBN 978-5-4484-7173-5

Аннотация

Две роковых дуэли, унесшие жизни величайших русских поэтов Пушкина и Лермонтова, и до ныне волнуют сердца не только историков литературы, но и всех любителей русской литературы. Не все обстоятельства этих поединков досконально изучены, особенно вызывает много вопросов дуэль Лермонтова и Мартынова. Каждый из поэтов имел множество влиятельных врагов, каждый пользовался славой вольнолюбца и возмутителя общественного спокойствия, каждый из них, в разные годы, вызывал недовольство императора и его окружения. Эти обстоятельства иногда наталкивают современных биографов на версии масонских или придворных заговоров, целью которых было убийство Пушкина и Лермонтова. Очередная книга серии знакомит читателя с одним из

подобных предположений, принадлежащим перу писателя, автора художественно-исторических биографий, Николая Шамагонова.

Содержание

От автора	6
Дуэль или убийство группой лиц по стовору?	17
Дуэли в творчестве Пушкина и Лермонтова	26
«...Саша среди бала вызвал Павла Ганнибала»	32
Вызов за «молитву лейб-гусарских офицеров»	35
Дуэль из-за «Кюхельбекерно и тошно»	39
Иван Лажечников: «Тогда я совершил великое дело»	44
Сплетник Рылеев в Пушкина стрелял всерьёз	55
Конец ознакомительного фрагмента.	65

В. Ф. Шахмагонов
Последние дуэли
Пушкина и Лермонтова

© Шахмагонов Н. Ф., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

От автора

Вспомним песню «Памяти Виктора Цоя». Её автор – Игорь Тальков, поэт и композитор, кумир молодёжи, убитый при так умышленно и не открытых обстоятельствах. Вспомним слова, которые можно отнести не только к Виктору Цою, не только к самому автору стихотворения Игорю Талькову, но и к самым выдающимся поэтам в летописи России – к Пушкину и Лермонтову, к Есенину и Маяковскому, ко многим поэтам есенинского круга и к Николаю Рубцову...

Вот эти слова. Вдумайтесь в них...

Они уходят, выполнив задание,
Их отзывают высшие миры.
Неведомые нашему сознанию,
По правилам космической игры.
Они уходят, не допев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш.
Актёры, музыканты и поэты
Целители уставших наших душ.

Вдумались?! А теперь давайте хотя бы кратко посмотрим, кто из поэтов и как погиб...

Солнце Русской Поэзии – Александр Сергеевич Пушкин – убит в результате заговора тёмных сил, убит французским киллером, одетым в броню, убит при обстоятельствах,

прикрытых удобным в ту пору наименованием «дуэль».

Об этом мы подробно поговорим в предлагаемой книге.

Верный последователь Пушкина – Михаил Юрьевич Лермонтов – поэт, который, по словам Государя Императора Николая I, «мог заменить нам Пушкина», убит ещё более коварно, без всякой дуэли, киллером, уже не залётным, а доморощенным – Николаем Соломоновичем Мартыновым, «Соломоновым сыном», как называл его Лермонтов, на склонах горы Машук. Никто не слышал объяснений Лермонтова и Мартынова, никто не слышал вызова на дуэль, да и о предстоящей дуэли Лермонтов никому не говорил. На Машук же отправился после обеда, без оружия, поехал, как тогда показалось очевидцам – тем, кто был в тот день рядом с поэтом, – по приглашению Мартынова. Зачем? Для примирения после небольшой ссоры или по приглашению на дружескую пирушку – это неизвестно.

Ведь до убийства вообще речи нигде о предстоящей дуэли не было. Это уже потом мнимые секунданты, покрывающие преступления, выдумывали каждый своё, поскольку договориться не могли – находились-то на гауптвахте. Некоторые записочки сохранились. Там и поучали друг друга, как рассказывать о якобы происшедшей дуэли.

Откуда же известно о дуэли? Лермонтова «надменные потомки, известной подлостью прославленных отцов», заставили замолчать навеки. Ну а придумана дуэль, причём в разных вариациях, этими самыми потомками-подонками, кото-

рые все были либо явными врагами Михаила Юрьевича, либо врагами тайными. Причём и те и другие были завистниками, а первым из них бездарь-графоман Мартынов, что-то рифмующий, но не стихи... Словом, говоря языком нынешним, собралась организованная преступная группировка и совершила убийство по сговору... А потом, когда придумала эта группировка дуэль, члены её никак договориться не могли, кто и чьим был секундантом. Тоже существуют разные варианты.

Но до нас дошло очень важное замечание сослуживца Лермонтова, хорошо знавшего или по фактам точно предположившего, что случилось 15 июля 1841 года на Машуке, замечание отважного офицера и первейшего дуэлянта Руфина Дорохова: «Дуэли не было – было убийство».

Обо всём этом подробно говорим в книге, в главах, посвящённых Лермонтову, его грандиозному таланту, его мужеству, отваге, его поэзии, его пророчествам и его убийству доморощенными сановными уголовниками.

До сей поры идут споры, как повесился, да и повесился ли Сергей Александрович Есенин, каким образом он мог совершить самоубийство в невозможных для этого действия условиях. Немало публикаций, немало домыслов, немало фактов, несогласующихся между собой. И совершенно ясные мотивы убийства со стороны уголовников, прорвавшихся к управлению страной и пытавшихся сорвать социалистиче-

ское строительство любыми путями, в том числе и физическим уничтожением выдающихся русских деятелей литературы. Но об этом – в будущих книгах.

Наконец, поэт-трибун Владимир Маяковский, взывавший:

Встретить я хочу свой смертный час
Так, как встретил смерть товарищ Нетте...

Помните это стихотворение – «Товарищу Нетте, пароходу и человеку»?

Я недаром вздрогнул.
Не загробный вздор.
В порт,
горящий,
как расплавленное лето,
разворачивался
и входил
товарищ «Теодор
Нетте».

И момент гибели дипкурьера Нетте...

(...) Будто навек
за собой
из битвы коридоровой
тянешь след героя,

светел и кровав.

(...)

Мы идём

сквозь револьверный лай,

чтобы,

умирая,

воплотиться

в пароходы,

в строчки

и в другие долгие дела.

И заключение:

Мне бы жить и жить,

сквозь годы мчась.

Но в конце хочу –

других желаний нету –

встретить я хочу

мой смертный час

так,

как встретил смерть

товарищ Нетте.

В годы советской власти полагалось знать обо всём этом так, как было предписано ещё во времена гибели Сергея Есенина (1825 г.) и Владимира Маяковского (1930 г.). В учебниках – Есенин повесился в гостинице «Англетер», а Маяковский застрелился в Москве, и тело было стремительно кре-

мировано. Для чего спешка? Да чтобы не было даже попыток разобраться в странном самоубийстве жизнерадостного человека и настоящего борца.

Оценивая значение Есенина и Маяковского, Евгений Евтушенко в стихотворении «Письмо Есенину» восклицал:

...Что сволочей хватает – не беда.
Нет Ленина. Вот это очень тяжко,
И тяжко то, что нет ещё тебя
И твоего соперника – горлана.
Я Вам, конечно, не судья,
Но всё-таки ушли Вы очень рано...

Да, в советский период навязывалось мнение, что сами ушли, сами. И конечно, публикации об убийствах появиться вплоть до второй половины восьмидесятых не могли.

Вслед за Есениным и Маяковским стали стремительно уходить из жизни поэты есенинского круга.

Сергей Клычков 8 октября 1937 года «по ложному обвинению» приговорён к смертной казни и в тот же день расстрелян.

Николай Алексеевич Клюев 13 октября 1937 года был приговорён на заседании тройки управления НКВД Новосибирской области к расстрелу «по делу о никогда не существовавшей “кадетско-монархической повстанческой организации “Союз спасения России”» и в конце октября рас-

стрелян.

В 1937 году был арестован певец русской природы, певец русской деревни Пётр Орешин, и в начале 1938 года расстрелян.

Поэт Александр Ширяевец (настоящее имя Александр Васильевич Абрамов), по словам Станислава Куняева, яркий представитель новокрестьянских поэтов, или «поэтов русского Возрождения», постоянно подчёркивал в своих произведениях своё несогласие с современностью, своё неприятие к фабричной, «читающей с Карлом Марксом, Руси», и любовь к Руси деревенской, земледельческой. Он утверждал:

Никогда старина не загаснет:
Слишком русское сердце моё...
Позабуду ли песни на Клязьме!
Как я мчался с тяжёлым копьём...
Вечевые прибойные клики!
Ветер Волхова вздул паруса!
То палач я, то нищий калика,
То с булатом в разбойных лесах...
Не припомню, какого я роду,
Своего я не помню села...
Ускакал я в бывалые годы,
Старь родная меня занесла.

В 1924 году его «ушли из жизни».

Не допел свои куплеты и Павел Васильев, по словам Сергея Клычкова, родоначальник «героического периода» в русской литературе «эпохи побеждающего в человеческой душе коммунизма».

Его земной путь оборвался в 1937 году, на 28-м году жизни... 15 июля он был приговорён Военной коллегией Верховного суда СССР к расстрелу по обвинению в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина. Расстрелян в Лефортовской тюрьме 16 июля 1937 года...

Все уничтоженные поэты были впоследствии реабилитированы. Ну а кем они были уничтожены – тут разговор особый. Бессовестные заявления бессовестных лжецов о том, что поэты стали якобы «жертвами сталинских репрессий», смешны, если не сказать – преступны. Об этом не устают писать честные исследователи прошлого, но их никто не слышит.

Автор книги: «Пятая колонна» А. Н. Игнатъев пишет: «Деятельность Сталина оценили недобитые им троцкисты. Прошло уже много лет после его смерти, но и они, а точнее их внуки, до сих пор не могут понять, как это он, Сталин, поставленный ими же во главе партии, сумел отнять у них власть над Россией. И не просто отнять, а и наказать за её разгром, за море человеческой крови, пролитой русским народом. Сталин еще тогда, в 1937–1938 годах, устроил над

троцкистами своего рода “Нюрнбергский процесс”».

Загадочной является и гибель замечательного русского поэта Николая Рубцова. Тоже известны одни глупейшие выдумки. Дошли до того, что заявляли, будто любовница по пьяни подушкой задушила. Пьянство приписывали в той или иной мере всем, кого хотели опорочить за выдающийся талант, пугавший слуг тёмных сил. Убили. И нет человека, создававшего проблемы для воинствующих русофобов. Убили Пушкина – и нет проблем. Убили Лермонтова, обличившего убийц Пушкина, – и нет проблем, убили Есенина, певца русской природы, русской деревни обличающего мерзавцев в своей «Стране негодяев», – и нет проблем. Убили Маяковского, разобравшегося в том, кто есть кто в деле революции, – и снова нет проблем. Убили талантливых поэтов есенинского круга – и вот уже открыта дорога бездарности, взывавшей как Джек Алтаузен:

Я предлагаю Минина расплавить...
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею.
Я знаю: это было бы под стать.
Подумаешь – они спасли Расею!
А может, лучше было б не спасать?

Убили Николая Рубцова с его великолепными стихами о России, и снова повалила серость графоманская, несколько сдерживаемая, правда, столь ненавидимыми бездарями худсоветами.

Убили Талькова – и открылась дорога всякому мусору, наподобие – «ты целуй меня везде – восемнадцать мне уже» или «вот такая вот зараза, девушка моей мечты...»

Но об этом ещё поговорим...

Снова вспомним стихотворение Игоря Талькова, ставшее популярной песней...

Поэты не рождаются случайно,
Они летят на землю с высоты.
Их жизнь окружена глубокой тайной,
Хотя они открыты и просты.
Глаза таких божественных посланцев
Всегда печальны и верны мечте.
И в хаосе проблем их души вечно светят тем
Мирам, что заблудились в темноте.

Если обратимся к духовному назначению Пушкина и Лермонтова, то вышесказанное Игорем Тальковым более чем подходит именно к ним. Они пришли на Русскую землю Промыслом Божьим и принесли нам свет правды, свет истины, без которого легко заблудиться в темноте. И враги рода человеческого сделали всё возможное, чтобы погасить эти Божественные светильники. Но эта задача не под силу нелю-

дям...

Игорь Тальков верно заметил:

В лесах их песни птицы допевают,
В полях для них цветы венки совьют.
Они уходят вдаль, но никогда не умирают,
И в песнях, и в стихах своих живут...

Да, действительно, и Александр Сергеевич Пушкин, и Михаил Юрьевич Лермонтов жили, живут и будут в своих бессмертных произведениях жить вечно.

Дуэль или убийство группой лиц по сговору?

Если применить нынешнюю терминологию, то квалифицировать происшедшее на Чёрной речке 27 января 1837 года можно именно как «Убийство по предварительному сговору группой лиц». А это, согласно Уголовному кодексу, «означает, что между соисполнителями имеется соглашение (договоренность) на объединение усилий для того, чтобы лишить жизни потерпевшего».

Достаточно вникнуть в условия дуэли.

Но сначала коснёмся дуэлей вообще.

Сами по себе эти поединки на европейский лад родились не в России, да и не могли родиться, поскольку на Руси если и бывали поединки и схватки, то к ним относились кулачные бои. Или стенка на стенку, или такие, как описанный Михаилом Юрьевичем Лермонтовым в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» кулачный поединок.

Там всё честно и открыто. И пулю в ствол нельзя «забыть положить», как это сделали Грушницкий с секундантом. Видимо, Лермонтов предполагал, что в пистолеты на Чёрной речке не досыпали порох, а потому использовал в своём «Герое нашего времени» нечто похожее. И бронежилет не мог

в России никто надеть, как это сделал Дантес. Никто, кроме залётных проходимцев.

А на европейском Западе изначально умудрялись жульничать как на рыцарских турнирах, так и на поединках с использованием уже огнестрельного оружия. Таков он – с давних времён прогнивший Запад. Если задуматься, нельзя не заметить лукавство в самих определениях – рыцарь, рыцарство. Ведь это слово у нас по сию пору пытаются сделать символом благородства. Но нет, на Западе, чтобы указать на благородство, прибавляли – благородный рыцарь.

Ну а рыцарство в целом – это жестокие агрессии против других стран, это сожжение городов и сёл, это грабеж, это пытки и убийства стариков, женщин, детей, словом, всех тех безоружных и не способных оказать сопротивление, кого легко убивать «храбрым» рыцарям.

Думаю, что синонимов силы, благородства, чести и достоинства является для нас слово витязь! Русский витязь!

Примером рыцарства является омерзительный заговор сановных уголовников против Пушкина, осуществлённый с особой жестокостью 27 января 1837 года на Чёрной речке.

Эта изуверская жестокость проявилась даже в условиях дуэли, которые не оставляли Александру Сергеевичу Пушкину ни единого шанса выжить, и в то же время они не были ни в коей мере опасны залётному проходимцу Дантесу, по нынешней терминологии – киллеру, избранному организованной преступной группировкой уголовников для совер-

шения убийства.

Непонятно, каким образом можно на протяжении многих десятилетий рассуждать о дуэли, когда дуэли не было, когда секунданты даже пороху в пистолеты не досыпали, чтобы пуля, выпущенная из пистолета Пушкина, не могла пробить бронежилет Дантеса, а пуля, выпущенная залётным проходимцем, должна была остаться в теле Пушкина, став дополнительно ещё и источником заражения крови. Всё было продумано мерзавцами из организованной преступной группировки.

Примерно в четырнадцать часов 27 января 1837 года, или, как в ту пору говорили, около двух часов пополудни, секундант Пушкина Данзас и секундант Дантеса виконт д'Аршиак, который в ту пору являлся атташе французского посольства, славившегося своими мерзостями в отношении России, составили условия дуэли, отличавшиеся своей чисто европейской жестокостью. Такие условия предполагали только смертельный исход для одного из противников. Ну а при обстоятельствах, которые были неведомы лишь одному Пушкину, ну и, надо надеяться, Данзасу, тем противником, который не мог выжить, был именно Пушкин, поскольку бронежилет надёжно защищал Дантеса.

Я сказал, «надо надеяться», что это не было известно Данзасу, поскольку сей инородец никогда не был другом Пушкина, но зато был соучеником по лицу, а в лицее готовили отнюдь не патриотов России. Кстати, немало воспитанников,

разумеется, уже выпускников лицея, вошли в другую организованную преступную группировку – банду декабристов, пытавшихся уже в 1825 году вырезать всю династию Романовых, сокрушить самодержавие и сделать Россию сырьевым придатком Запада.

По мнению специалистов по баллистике, Данзас не мог не заметить, что выстрел Пушкина в Дантеса был смертельным, не мог не удивиться тому, что Дантеса удар пули сбил с ног. Когда пуля попадает в человека, не защищённого броней, он не отлетает назад, а сжимается и падает вперёд. Но Данзасу замечать такое было опасно, ведь члены организованной преступной группировки вполне могли вслед за Пушкиным убить и его, а потом составить ещё одно условие дуэли.

Пушкин на Чёрную речку вышел один на один с бандой убийц, причём секундант его вёл себя довольно странно – отвёз раненого поэта не в госпиталь или больницу, где могли оказать квалифицированную хирургическую помощь, а домой, где не было никаких условий для оказания какой бы то ни было медицинской помощи, разве что только первой, то есть такой, которая оказывается санинструкторами на поле боя.

Это равносильно тому, что раненных в бою не направляли бы сначала в батальонный или полковой медицинский пункт, затем в медсанбат и после сортировки и оказания квалифицированной врачебной помощи, при необходимости – в госпиталь, а отпускали бы по домам, лечиться, где они мог-

ли бы сами пригласить того, кто попадётся под руку для обработки раны. Глупость? Безусловно. Глупость и нелепость! Но вот в случае с Пушкиным никто это глупостью и нелепостью почему-то не считает. Тут всё, мол, верно. И лечили старательно! Вот только в какую сторону были направлены старания? И об этом поговорим в соответствующей главе, как и обо всех омерзительных этапах подготовки к дуэли. Омерзительных со стороны в первую очередь инородцев – австрийского министра русских иностранных дел Нессельроде и его жены, уродством напоминающей фамилию, а потом невероятно злой и коварной, ну и со стороны супружеской пары – нидерландского посла барона Геккерна и его возлюбленного (или возлюбленной) Дантеса. Это заправила организованной преступной группировки. Включала банда и прочих мерзавцев.

Пушкин же, как известно, был предельно честен и порядочен во всём, а потому просто не предполагал подлости со стороны своих противников в столь щепетильном деле, каковым считал подготовку к поединку. Он верил людям и, к сожалению, верил даже отпетым мерзавцам. Увы, люди высоких достоинств порою даже не предполагают в других особях омерзительных качеств, поскольку сами таковых не имеют и считают их нечеловеческими, а потому невозможными.

Он готов был драться, он верил своему секунданту, он доверял противникам и лишь по их настоянию попросил Дантеса обсудить условия дуэли. А тот и рад стараться – даже не

попытался смягчить смертельные условия, хотя по положению в определении условий обе стороны имели равные возможности. Так что о безутешном горе Данзаса можно рассуждать столько, сколько вздумается, но поведение его говорит о его в лучшем случае равнодушии, которое вполне могло быть продиктовано обыкновенной завистью к гениальному соученику по лицую – не могу сказать «однокашнику». Вспомним, что сказал истинный и нелицемерный друг Пушкина Иван Пущин! Он прямо заявил, что если бы в тот день находился в Петербурге, пуля Дантеса нашла его грудь!

Секундант Дантеса виконт д'Аршиак настаивал на составлении условий, понимая преступный характер самого поединка – в России дуэли были официально запрещены и наказуемы смертной казнью через повешение. Д'Аршиак стремился создать хоть какое-то алиби, которое потом, при содействии великосветкой банды, организовавшей убийство, могло помочь избежать наказания.

Итак, преступные условия были определены при полном согласии обоих секундантов.

Многие авторы, пишущие на эту тему, сетуют на жестокость этих условий. Но, позвольте, к кому претензии? Разве только к секунданту Дантеса? Почему Данзас не выступил против, а покорно согласился? Почему он не воспротивился, почему не выдвинул иные условия, почему не спорил?

От каждой строки условий дуэли веет ненавистью к Пушкину – русскому гению и Солнцу Русской поэзии:

«1. Противники становятся на расстоянии 20 шагов друг от друга и 5 шагов (для каждого) от барьеров, расстояние между которыми равняется 10 шагам.

2. Вооружённые пистолетами противники, по данному знаку, идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут стрелять.

3. Сверх того, принимается, что после выстрела противникам не дозволяется менять место, для того чтобы выстреливший первым огнём своего противника подвергся на том же самом расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то в случае безрезультатности поединок возобновляется как бы в первый раз: противники становятся на то же расстояние в 20 шагов, сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются неизменными посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Секунданты, нижеподписавшиеся и облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, своей честью строгое соблюдение изложенных здесь условий».

«Своей честью обеспечивают строгое соблюдение»?! От этой фразы веет леденящей мерзостью и цинизмом. Честь одели в бронежилет! Вот это честь! Чисто европейская! Собственно, ныне честь европейцев мы наблюдаем почти ежедневно. Правильнее бы было в шестом пункте условий дуэли

записать «своим бесчестьем» следили за непременно́м свершением убийства.

Кстати, на склоне лет Дантес с ещё более высокомерным и омерзительным цинизмом, вполне характерным бездушно-му европейскому рыцарству, заявил, что если бы не посчастливилось ему в молодости убить самого Пушкина, то не сложилась бы его жизнь столь удачно, не достиг бы он таких высот во французской иерархии, не был бы отмечен высшими наградами Франции за свой коварный выстрел, не разбогател бы, а закончил свой земной путь небогатым отставником где-то в глуши.

Впрочем, о тех наградах и чинах, которые получил Дантес от французского правительства, буквально осыпавшего его милостями за убийство русского гения, мы ещё поговорим в соответствующей главе.

Ну а пока остаётся добавить следующее. Военный писатель полковник П. А. Швейковский, военный следователь Петербургского военного округа, в 1898 году выпустил монографию «Суд общества офицеров и дуэль в войсках Российской армии», которую посвятил детальному исследованию дуэльного кодекса и правилам дуэли, разрешенной в Российской императорской армии приказом по Военному ведомству от 18 мая 1894 года, отметив:

«Поединок есть условленный бой между двумя лицами смертоносным оружием для удовлетворения поруганной чести, с соблюдением известных установленных обычаем усло-

вий относительно места, времени, оружия и вообще обстановки выполнения боя».

Вот только о выборе бронежилета забыл сказать. По правилам же дуэлянты не имели права иметь в карманах ничего лишнего. Нельзя было стреляться, имея на груди ордена и медали, все металлические предметы, портсигары и прочее нужно было изъять из карманов. Ведь всё это создавало преимущество для одного из противников.

Знаменитый наш писатель, который особенно дорог русскому офицерству за свои произведения «Кадеты», «Юнкера» и «Поединок», Александр Иванович Куприн, о дуэлях отзывался так:

«Дуэль – варварский обычай, пережиток старины. Но, господа, скажу вам, не клеветайте на дуэль, – это рыцарски благородный способ защитить открыто, что дороже жизни, – честь человека».

Увы, под дуэли часто камуфлировались самые жестокие и коварные убийства, как это было в случае с Александром Сергеевичем Пушкиным и Михаилом Юрьевичем Лермонтовым.

О подготовке этих подлых убийств, организованных русофобскими тёмными силами при помощи своих холуёв, окопавшихся в России, для которых честь и слава Русской Державы – пустое место – наш рассказ...

Дуэли в творчестве Пушкина и Лермонтова

Есть какая-то мистика в том, что в творчестве, особенно Александра Сергеевича Пушкина, ну и чуть в меньшей степени Михаила Юрьевича Лермонтова, дуэлям отводится особое место. Эта тема словно притягивала поэтов.

Вспомним роман «Евгений Онегин».

«Теперь сходитесь». Хладнокровно,
Ещё не целя, два врага
Походкой твёрдой, тихо, ровно,
Четыре перешли шага,
Четыре смертные ступени.
Свой пистолет тогда Евгений
Не преставав наступать,
Стал первый тихо подымать.
Вот пять шагов ещё ступили,
И Ленский, жмуря левый глаз,
Стал также целить – но как раз
Онегин выстрелил... Пробили
Часы урочные: поэт
Роняет молча пистолет.

Упреждающий выстрел... Это словно предвидение того, что будет. Лишь одного не мог предположить Пушкин, ра-

ботая над своим романом в стихах – для чего был необходим его убийце Дантесу этот упреждающий выстрел? Рисковал ли женоподобный французишка? Ведь если промах, то... Пушкин, будучи отличным стрелком, не оставил бы ему шанса.

Оказывается, нет, риска для Дантеса не было. В соответствующей главе узнаем, почему он не рисковал вовсе, ну а торопился, желая, видимо, закончить всё разом.

Теперь обратимся к рассказу «Выстрел». Там и вовсе выписана дуэль во всех её вариациях, да ещё и с продолжением. Мало того, в художественное отображение поведения одного из героев Пушкин вложил своё, личное, о чём мы тоже узнаем в соответствующей главе.

Пушкин, повторяю, описывая дуэли, не мог предположить лишь одного – подлости одного из соперников. Хотя постойте... Ведь в «Капитанской дочке» Швабрин сумел ранить Петрушу Гринёву не просто так, а воспользовавшись ситуацией, которой мог воспользоваться лишь дурной человек.

Вспомним этот эпизод...

Повествование ведётся от имени Петруши Гринёва.

«Спустясь по крутой тропинке, мы остановились у самой реки и обнажили шпаги. Швабрин был искуснее меня, но я сильнее и смелее, и *monsieur* Бопре, бывший некогда солдатом, дал мне несколько уроков в фехтовании, которыми я и воспользовался. Швабрин не ожидал найти во мне столь

опасного противника. Долго мы не могли сделать друг другу никакого вреда; наконец, приметя, что Швабрин ослабевает, я стал с живостию на него наступать и загнал его почти в самую реку. Вдруг услышал я своё имя, громко произнесённое. Я оглянулся и увидел Савельича, сбегаящего ко мне по нагорной тропинке... В это самое время меня сильно кольнуло в грудь пониже плеча; я упал и лишился чувств».

Швабрин воспользовался тем, что Гринёва отвлёк Савельич. Порядочный человек должен бы прекратить бой и подождать, но Швабрин, как известно, был отпетым негодяем.

Пушкин, обращаясь к описанию дуэлей, выписывал их тщательно, словно они его завораживали.

И Лермонтов отдавал должное таким описаниям, правда, он изначально предполагал, что один из противников может быть подлецом, каковым и явился Грушницкий, которого, впрочем, подговорили на подлость «знатоки».

Печорин разгадал коварный план, заключающийся в том, что в его пистолет друзья Грушницкого забудут «положить пулю». Ну и решил проучить негодяев.

Повествование в «Герое нашего времени», как известно, ведётся от Печорина:

«Следующие слова я произнёс нарочно с расстановкой, громко и внятно, как произносят смертный приговор:

– Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова, –

и хорошенько!

– Не может быть! – кричал капитан, – не может быть! я зарядил оба пистолета; разве что из вашего пуля выкатилась... это не моя вина! – А вы не имеете права перезаряжать... никакого права... это совершенно против правил; я не позволю...

– Хорошо! – сказал я капитану, – если так, то мы будем с вами стреляться на тех же условиях...

Он замялся.

Грушницкий стоял, опустив голову на грудь, смущённый и мрачный.

– Оставь их! – сказал он наконец капитану, который хотел вырвать пистолет мой из рук доктора... – Ведь ты сам знаешь, что они правы.

Напрасно капитан делал ему разные знаки. Грушницкий не хотел и смотреть.

Между тем доктор зарядил пистолет и подал мне. Увидев это, капитан плюнул и топнул ногой.

– Дурак же ты, братец, – сказал он, – пошлый дурак!.. Уж положился на меня, так слушайся во всем... Поделом же тебе! околевай себе, как муха... – Он отвернулся и, отходя, пробормотал: – А всё-таки это совершенно против правил.

– Грушницкий! – сказал я, – ещё есть время; откажись от своей клеветы, и я тебе прощу всё. Тебе не удалось меня подурочить, и моё самолюбие удовлетворено; – вспомни – мы были когда-то друзьями...

Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали.

– Стреляйте! – отвечал он, – я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьёте, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоём нет места...

Я выстрелил...

Когда дым рассеялся, Грушницкого на площадке не было. Только прах лёгким столбом ещё вился на краю обрыва».

Знал ли Михаил Юрьевич Лермонтов о той подлости, которую применили «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов», готовя убийство Пушкина? Быть может, всё в точности он и не мог знать, даже, скорее всего, детали просто не могли быть ему известны, но, судя по резкому, обличительному тону стихотворения «Смерть поэта», не просто догадывался – был уверен, что произошло жестокое и коварное убийство.

Сколько дуэлей было у Пушкина на счету перед поединком с Дантесом?! Называют разные цифры. Считается, что вызовов, не всегда, правда, оканчивавшихся поединками, было свыше двадцати, называют даже цифру – 35. И все ведь завершались благополучно, потому что возникали не как заговор. К тому же те, с кем вздорил Пушкин, не были заказными, наёмными убийцами, каковым оказался залётный проходимец Дантес.

Прежде чем рассказать о неравном поединке – поединке,

устроенном так, что у Пушкина не оставалось никаких шансов выйти из него живым, а у Дантеса был лишь незначительный риск получить рану, остановимся, во-первых, на дуэлях, в которых участвовал Пушкин, а во-вторых, на причинах убийства. Постараемся ответить на вопрос, почему с такой старательностью готовилось убийство русского гения врагами и его, и России, и государя императора Николая Павловича.

«...Саша среди бала вызвал Павла Ганнибала»

Исследователи, как уже говорилось, посчитали, что в жизни Пушкина было 35 случаев, когда ссоры могли закончиться или заканчивались дуэлями. Пушкин посылал вызовы 26 раз, его вызывали 7 раз, ну и два раза были дуэльные ситуации, инициаторов которых установить не удалось. Пять раз Пушкин выдерживал выстрелы своих дуэльных противников и три раза стрелял сам.

Конечно, цифры могут удивить, но удивляться подождём. Таково было время. Знаменитый русский философ Николай Николаевич Страхов (1828–1896) о дуэлях и их причинах писал следующее:

«Бывало хоть чуть-чуть кто-либо кого по нечаянности зацепит шпагою или шляпою, повредит ли на голове один волосишек, погнёт ли на плече сукно, так милости просим в поле. Так же глух ли кто, близорук ли, но когда, Боже сохрани, он не отвечал или недовидел поклона... статошное ли дело! Тотчас шпаги в руки, шляпы на голову, да и пошла трескотня да рубка!..»

Так что сказанное о дуэлях Пушкина – всего лишь сухие цифры. За каждой из них скрываются истории, на которых, учитывая тему книги, необходимо остановиться более по-

дробно, чтобы выяснить, что же это были за вызовы и по каким причинам многие из них разрешались мирным путём.

Свой первый вызов Александр Пушкин послал в свои 17 лет и не к кому-нибудь, а своему дяде.

Это связано с самым первым приездом в Михайловское, о котором сам Александр Сергеевич вспоминал:

«Вышед из Лицея я почти тотчас уехал в псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч., но всё это нравилось мне недолго. Я любил и доньше люблю шум и толпу...»

Так вот в тот первый приезд он не поделил со своим дядей Павлом Исааковичем Ганнибалом какую-то местную красавицу – девицу Лошакову.

Лошакова, в которую он был влюблён, на балу предпочла танцевать с Ганнибалом. Пушкин приревновал и вызвал дядю на дуэль.

Можно себе представить ситуацию, в которой оказался дядя. Дуэль – не шутка. Это не пикировки на вечеринке. Как быть? Убить племянника? Невозможно! Выстрелить в воздух или заведомо промахнуться? Но как знать, что будет делать племянник? А если сразит в упор! Тогда ведь никто ещё не знал, что Пушкин неизменно, во всех поединках, которые доходили до стрельбы, выдерживал выстрел противника, а затем сам стрелял в воздух, поскольку при его необыкновенной меткости противник неминуемо был бы сражён на-

смерть.

К счастью, в окружении и дяди, и племянника нашлось немало здравых людей. Занялись делом быстро и горячо, ну и добились примирения между не такими уж заклятыми противниками.

Дядя Пушкина тут же написал четверостишие по поводу благополучного завершения ссоры...

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Не подгадит ссорой бал!

О девице Лошаковой практически ничего не известно. Даже непонятно, оставила ли любовь, озарившая Пушкина, следы в его творчестве.

Вызов за «молитву лейб-гусарских офицеров»

Очередное приглашение к поединку не заставило себя долго ждать....

1817 год был для Пушкина годом особым. Выпуск из Царскосельского Императорского лицея – это ли не событие, это ли не праздник?!

Причиной ссоры было шутивное стихотворение Пушкина «Молитва лейб-гусарских офицеров».

Избави Господи ума такого,
Как у Александра Васильевича Попова,
Слатвинского скромности,
Зубова томности,
Ильина чистоты,
Тютчева красоты,
Любомирского чванства,
Каверина пьянства,
Гротовой скупости,
Хов-на глупости,
Суетливости Оффенберга,
Рассудительности Унгерн-Штернберга,
Чаадаева гордости,
Юш-ва подлости,
Креншина службы,

Сабурова дружбы,
Завадовского щедрости,
Гернгр-вой мерзости,
Кнабенау усов,
Пашковских носов,
Салтыкова дикости,
Саломирского лихости,
Слепцова смиренья,
Крутикова пенья,
Барятинского спросов,
Рахманова вопросов,
Молоствовова хвалы
И Микешина килы.

Как видим, список длинный, ну и, надо полагать, Пушкин точно подметил какие-то особенные качества каждого из упомянутых им гусар. Кто-то воспринял эпиграмму спокойно, а кто-то был взбешён. Особенно обижен и возмущен был Андрей Иванович Пашков (1792–1850), который был старше Пушкина и не раз отличился в битвах 1812 года. Впоследствии он дослужился до чина генерал-майора. Его поддержал Пётр Павлович Каверин (1794–1855), тоже закалённый воин, участник заграничных походов 1813–1815 годов.

Ситуацию пытался поправить Александр Петрович Завадовский, сын одного из генерал-адъютантов Екатерины Великой. Он, будучи сослуживцем Пушкина по Коллегии иностранных дел и его приятелем, решил взять на себя вину,

чтобы постараться избежать дуэли, к которой клонилось дело. Стихотворение быстро распространилось по полку, и число недовольных множилось. И только вмешательство начальства позволило примирить всех, кроме Каверина.

Лишь стихотворение Пушкина заставило и его сменить гнев на милость...

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи...

Написал Пушкин и несколько строк «К портрету Каверина»:

В нём пунша и войны кипит
всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный
был воитель,
Друзьям он верный друг,
красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

После всего этого наконец примирение состоялось окончательно. Мало того, Пушкин упомянул своего приятеля в романе «Евгений Онегин», в главе первой...

Уж тёмно: в санки он садится.
«Пади, пади!» – раздался крик;
Морозной пылью серебрится
Его бобровый воротник.
К Talon помчался: он уверен,
Что там уж ждёт его Каверин.
Вошёл: и пробка в потолок,
Вина кометы брызнул ток,
Пред ним roast-beef окровавленный,
И трюфли, роскошь юных лет,
Французской кухни лучший цвет,
И Стразбурга пирог нетленный
Меж сыром лимбургским живым
И ананасом золотым...

Дуэль из-за «Кюхельбекерно и тошно»

А вот в 1818 году дуэль состоялась. И с кем! С лицейским товарищем Пушкина поэтом и прозаиком Вильгельмом Карловичем Кюхельбекером (1797–1846).

Пушкин любил Вильгельма, но постоянно над ним подшучивал. Иван Иванович Пущин рассказал об одной из таких шуток в своих «Воспоминаниях о Пушкине»:

«...Нельзя не вспомнить сцены, когда Пушкин читал нам своих “Пирующих студентов”. Он был в лазарете и пригласил нас прослушать эту пиесу. После вечернего чая мы пошли к нему гурьбой с гувернером Чириковым.

Началось чтение:

Друзья! Досужий час настал,
Всё тихо, всё в покое... – и проч.

Внимание общее, тишина глубокая по временам только прерывается восклицаниями. Кюхельбекер просил не мешать, он был весь тут, в полном упоении... Доходит дело до последней строфы. Мы слушаем:

Писатель! за свои грехи
Ты с виду всех трезвее:

Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

При этом возгласе публика забывает поэта, стихи его, бросается на бедного метромана, который, растаявши под влиянием поэзии Пушкина, приходит в совершенное одурение от неожиданной эпиграммы и нашего дикого натиска. Добрая душа был этот Кюхель! Опомнившись, просит он Пушкина ещё раз прочесть, потому что и тогда уже плохо слышал одним ухом, испорченным золотухой.

Послание ко мне:

Любезный именинник... – и проч. –

не требует пояснений. Оно выражает то же чувство, которое отраднo проявляется во многих других стихах Пушкина. Мы с ним постоянно были в дружбе, хотя в иных случаях розно смотрели на людей и вещи; откровенно сообщая друг другу противоречащие наши воззрения, мы всё-таки умели их сгармонировать и оставались в постоянном согласии. Кстати тут расскажу довольно оригинальное событие, по случаю которого пришлось мне много спорить с ним за Энгельгардта...»

Известно, с какой любовью, с каким уважением относился к Пушкину знаменитый поэт Жуковский, который даже считал себя учителем юного поэта. Но именно он стал невольным виновником теперь уже не вызова и примирения,

а именно дуэли.

Иван Пущин продолжал рассказ:

«Следующая эпиграмма уже окончательно вывела из себя Кюхельбекера. Разумеется, не желая подобного исхода, поэт Василий Андреевич Жуковский, пропустив вечер встречи с лицеистами, объяснил это Пушкину тем, что “накануне расстроил себе желудок”. А затем возьми да и скажи:

– К тому же пришёл Кюхельбекер, притом Яков дверь запер по оплошности и ушёл».

Яков был слугой Жуковского.

Ну разве ж Пушкин мог пропустить такой повод для шутки. Но уж тут он немного перестарался и написал строки, известные нам, кстати, со школьной скамьи...

За ужином объелся я.

Да Яков запер дверь оплошно,

Так было мне, мои друзья,

И кюхельбекерно, и тошно.

Кюхельбекер вызвал обидчика на дуэль.

Николай Иванович Греч рассказал о том, что дуэль прошла по всем правилам и только по случайности не окончилась кровью.

Поединок был назначен на Волковом поле, в каком-то недостроенном склепе. Пушкин, по свидетельству друзей, уже переживал, что принудил своего приятеля к вызову. Но по законам того времени отказ от поединка был невозмо-

жен – это позор.

Всё выглядело несколько нелепо. Секундантом Кюхельбекера был близкий друг Пушкина Дельвиг – Барон Антон Антонович Дельвиг (1798–1831), впоследствии знаменитый поэт и издатель...

И вот определили условия, зарядили пистолеты. Кюхельбекеру, как обиженному, предоставили право первого выстрела.

Николай Иванович Греч рассказал о дальнейшем.

«Когда Кюхельбекер поднял свой пистолет и стал целиться, Пушкин насмешливо крикнул:

– Дельвиг! стань на мое место, здесь безопаснее».

Но уж это нечто иное, как приглашение к выстрелу. Много лет спустя, когда убийцы Лермонтова выдумывали ход и исход дуэли, якобы бывшей на Машуке, но которой в природе не было, они вкладывали в уста Михаила Юрьевича дерзкие и обидные слова. Мол, Мартынов не виноват. Его Лермонтов чуть ли не принудил к убийству.

Разумеется, насмешка Пушкина ещё более распалила Кюхельбекера, но он, сделав «пол-оборота, пробил пулей фуражку Дельвига».

Николай Иванович Греч в «Воспоминаниях старика» привёл резюме Пушкина:

«– Послушай, товарищ, без лести – ты стоишь дружбы; без эпиграммы – пороху не стоишь».

Пушкин бросил пистолет и хотел обнять Кюхлю, но тот

неистово кричал:

– Стреляй, стреляй!

Насилу его убедили, что невозможно стрелять, ибо снег набился в ствол», – сообщил Греч.

Пушкин, безусловно, был не робкого десятка. Это отмечали те, кто видел, как он стоял под дулом пистолета. Но и дерзок. Причём он словно испытывал судьбу.

Следующий вызов он послал по поводу, который его мнимый противник поводом к дуэли не счёл. Соседом Пушкина был его однокашник по лицую барон Модест Андреевич Корф (1800–1876), впоследствии – в 1849–1861 годах – директор Императорской публичной библиотеки.

Однажды слуга Пушкина Козлов изрядно выпил и по ошибке зашёл в дом Корфа. В прихожей его остановил камердинер барона, но Козлов оттолкнул его, за что Корф, вышедший на шум, несколько раз ударил пьяницу и вытолкал его из дому.

Пушкин обиделся за то, что Корф побил его слугу, и послал вызов, на что получил остроумный ответ:

– Не принимаю вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы Пушкин, а потому, что я не Кюхельбекер.

Пушкин успокоился. Настаивать на дуэли посчитал нецелесообразным.

Иван Лажечников: «Тогда я совершил великое дело»

Следующий вызов снова поступил от Пушкина, причём вызывал Александр Сергеевич на дуэль заслуженного ветерана майора Денисевича.

Об этом очень подробно и интересно поведал знаменитый наш писатель-историк Иван Иванович Лажечников (1792–1869), который по праву считается одним из «зачинателей русского исторического романа».

Так вот Иван Иванович писал:

«В августе 1819 года приехал я в Петербург и остановился в доме графа Остермана-Толстого, при котором находился адъютантом. Дом этот на Английской набережной, недалеко от Сената.

...Жизнь моя в Петербурге проходила в глубоком уединении. В театр ездил я редко. Хотя имел годовой билет моего генерала, отданный в полное мое владение, я передавал его иногда Н. И. Гречу.

“Кого это пускаешь ты в мои кресла?” – спросил меня однажды граф Остерман-Толстой с видимым неудовольствием. Я объяснил ему, что уступаю их известному литератору и журналисту. “А, если так, – сказал граф, – можешь и впредь отдавать ему мои кресла”. Говорю об этом случае для то-

го только, чтобы показать, как вельможи тогдашние уважали литераторов.

Со многими из писателей того времени, более или менее известных, знаком я был до приезда моего в Петербург...

(...)

Но я ещё нигде не успел видеть молодого Пушкина, издавшего уже в зиму 1819/20 года “Руслана и Людмилу”, Пушкина, которого мелкие стихотворения, наскоро на лоскутках бумаги, карандашом переписанные, разлетались в несколько часов огненными струями во все концы Петербурга и в несколько дней Петербургом вытверживались наизусть, – Пушкина, которого слава росла не по дням, а по часам. Между тем я был один из восторженных его поклонников».

Тут важно, конечно, отметить, что Пушкина знали, уважали и любили люди, принадлежавшие к культурному слою русского общества. Будущий автор «Ледяного дома» и других замечательных исторических романов, конечно, смог оценить талант молодого поэта. Но опасность конфликта, свидетелем которого стал романист, была именно в том, что противник у Пушкина хоть и был заслуженным ветераном, но ничего не читал, за исключением «Бедной Лизы» Карамзина. То есть о Пушкине он даже не слышал.

И. И. Лажечников рассказал о том, какая беда едва не произошла в результате ссоры...

«Следующий необыкновенный случай доставил мне его знакомство.

...Квартира моя в доме графа Остермана-Толстого выходила на Галерную. Я занимал в нижнем этаже две комнаты, но первую от входа уступил приехавшему за несколько дней до того времени, которое описываю, майору Денисевичу, служившему в штабе, которым командовал граф. Денисевич был малоросс, учился, как говорят, на медные деньги и образован по весу и цене металла. Наружность его соответствовала внутренним качествам: он был очень плешив и до крайности румян; последним достоинством он очень занимался и через него считал себя неотразимым победителем женских сердец. Игрою густых своих эполетов особенно щеголял, полагая, что от блеска их, как от лучей солнечных, разливается свет на все, его окружающее, и едва ли не на весь город.

Мы прозвали его дятлом, на которого он, и наружно, и привычками был похож, потому что без всякой надобности долбил своим подчиненным десять раз одно и то же.

...К театру был пристрастен, и более всего любил воздушные пируэты в балетах; но не имел много случаев быть в столичных театрах, потому что жизнь свою провёл большею частию в провинциях. Любил он также покушать. Впрочем, был добрый малый. Моё товарищество с ним ограничивалось служебными обязанностями и невольным сближением по квартире.

В одно прекрасное зимнее утро – было ровно три четверти восьмого, – только что успев окончить свой военный туал-

лет, я вошёл в соседнюю комнату, где обитал мой майор, чтоб приказать подавать чай. Денисевича не было в это время дома; он уходил смотреть, все ли исправно на графской конюшне. Только что я ступил в комнату, из передней вошли в неё три незнакомые лица. Один был очень молодой человек, худенький, небольшого роста, курчавый, с арабским профилем, во фраке. За ним выступали два молодца-красавца, кавалерийские гвардейские офицеры, погромыхивая своими шпорами и саблями. Один был адъютант; помнится, я видел его прежде в обществе любителей просвещения и благотворения; другой – фронтовой офицер.

Статский подошел ко мне и сказал мне тихим, вкрадчивым голосом: “Позвольте вас спросить, здесь живет Денисевич?” – “Здесь, – отвечал я, – но он вышел куда-то, и я велю сейчас позвать его”. Я только хотел это исполнить, как вошёл сам Денисевич. При взгляде на воинственных ассистентов статского посетителя он, видимо, смутился, но вскоре оправился и принял также марциальную осанку.

– Что вам угодно? – сказал он статскому довольно сухо.

– Вы это должны хорошо знать, – отвечал статский, – вы назначили мне быть у вас в восемь часов (тут он вынул часы); до восьми остаётся ещё четверть часа. Мы имеем время выбрать оружие и назначить место...

Всё это было сказано тихим, спокойным голосом, как будто дело шло о назначении приятельской пирушки. Денисевич мой покраснел как рак и, запутываясь в словах, отвечал:

– Я не затем звал вас к себе... я хотел вам сказать, что молодому человеку, как вы, нехорошо кричать в театре, мешать своим соседям слушать пьесу, что это неприлично...

– Вы эти наставления читали мне вчера при многих слушателях, – сказал более энергичным голосом статский, – я уж не школьник и пришёл переговорить с вами иначе. Для этого не нужно много слов: вот мои два секунданта; этот господин военный (тут указал он на меня), он не откажется, конечно, быть вашим свидетелем. Если вам угодно...

Денисевич не дал ему договорить.

– Я не могу с вами драться, – сказал он, – вы молодой человек, неизвестный, а я штаб-офицер...

При этом оба офицера засмеялись; я побледнел и затрясся от негодования, видя глупое и униженное положение, в которое поставил себя мой товарищ, хотя вся эта сцена была для меня загадкой.

Статский продолжал твёрдым голосом:

– Я русский дворянин, Пушкин: это засвидетельствуют мои спутники, и потому вам не стыдно иметь будет со мной дело.

При имени Пушкина блеснула в голове моей мысль, что передо мною стоит молодой поэт, таланту которого уж сам Жуковский поклонялся, корифей всей образованной молодежи Петербурга, и я спешил спросить его:

– Не Александра ли Сергеевича имею честь видеть перед собою?

– Меня так зовут, – сказал он, улыбаясь.

“Пушкину, – подумал я, – Пушкину, автору “Руслана и Людмилы”, автору стольких прекрасных мелких стихотворений, которые мы так восторженно затвердили, будущей надежде России, погибнуть от руки какого-нибудь Денисевича; или убить какого-нибудь Денисевича и жестоко пострадать... нет, этому не быть! Во что б ни стало, устрою мировую, хотя б и пришлось немного покривить душой”.

– В таком случае, – сказал я по-французски, чтобы не понял нашего разговора Денисевич, который не знал этого языка, – позвольте мне принять живое участие в вашем деле с этим господином и потому прошу вас объяснить мне причину вашей ссоры.

Тут один из ассистентов рассказал мне, что Пушкин накануне был в театре, где, на беду, судьба посадила его рядом с Денисевичем. Играли пустую пиесу, играли, может быть, и дурно. Пушкин зевал, шикал, говорил громко: “Несносно!” Соседу его пиеса, по-видимому, очень нравилась. Сначала он молчал, потом, выведенный из терпения, сказал Пушкину, что он мешает ему слушать пиесу. Пушкин искоса взглянул на него и принялся шуметь по-прежнему. Тут Денисевич объявил своему неугомонному соседу, что попросит полицию вывести его из театра.

– Посмотрим, – отвечал хладнокровно Пушкин и продолжал повесничать.

Спектакль кончился, зрители начали расходиться. Тем и

должна была бы кончиться ссора наших противников. Но мой витязь не терял из виду своего незначительного соседа и остановил его в коридоре.

– Молодой человек, – сказал он, обращаясь к Пушкину, и вместе с этим поднял свой указательный палец, – вы мешали мне слушать пиесу... это неприлично, это невежливо.

– Да, я не старик, – отвечал Пушкин, – но, господин штаб-офицер, ещё невежливее здесь и с таким жестом говорить мне это. Где вы живете?

Денисевич сказал свой адрес и назначил приехать к нему в восемь часов утра. Не был ли это настоящий вызов?..

– Буду, – отвечал Пушкин. Офицеры разных полков, услышав эти переговоры, обступили было противников; сделался шум в коридоре, но, по слову Пушкина, всё затихло, и спорившие разошлись без дальнейших приключений.

Вы видите, что ассистент Пушкина не скрыл и его вины, объяснив мне вину его противника. Вот этот-то узел предстояло мне развязать, сберегая между тем голову и честь Пушкина.

– Позвольте переговорить с этим господином в другой комнате, – сказал я военным посетителям. Они кивнули мне в знак согласия. Когда я остался вдвоём с Денисевичем, я спросил его, так ли было дело в театре, как рассказал мне один из офицеров. Он отвечал, что дело было так. Тогда я начал доказывать ему всю необдуманность его поступков; представил ему, что он сам был кругом виноват, затеяв вновь

ссору с молодым, неизвестным ему человеком, при выходе из театра, когда эта ссора кончилась ничем; говорил ему, как дерзка была его угроза пальцем и глупы его наставления, и что, сделав формальный вызов, чего он, конечно, не понял, надо было или драться, или извиниться.

Я прибавил, что Пушкин сын знатного человека (что он известный поэт, этому господину было бы нипочем). Все убеждения мои сопровождал я описанием ужасных последствий этой истории, если она разом не будет порешена.

– В противном случае, – сказал я, – иду сейчас к генералу нашему, тогда... ты знаешь его: он шутить не любит.

Признаюсь, я потратил ораторского порошу довольно, и недаром. Денисевич убедился, что он виноват, и согласился просить извинения. Тут, не дав опомниться майору, я ввёл его в комнату, где дожидались нас Пушкин и его ассистенты, и сказал ему:

– Господин Денисевич считает себя виноватым перед вами, Александр Сергеевич, и в опрометчивом движении, и в необдуманных словах при выходе из театра; он не имел намерения ими оскорбить вас.

– Надеюсь, это подтвердит сам господин Денисевич, – сказал Пушкин.

Денисевич извинился... и протянул было Пушкину руку, но тот не подал ему своей, сказав только:

– Извиняю, – и удалился со своими спутниками, которые очень любезно простились со мною.

Скажу откровенно, подвиг мой испортил мне много крови в этот день... Но теперь, когда прошло тому тридцать шесть лет, я доволен, я счастлив, что на долю мою пришлось совершить его. Если б я не был такой жаркий поклонник поэта, уже и тогда предрекавшего свое будущее величие; если б на месте моем был другой, не столь мягкосердый служитель муз, а черствый, браннолюбивый воин, который, вместо того чтобы потушить пламя раздора, старался бы ещё более раздуть его; если б я повёл дело иначе, перешёл только через двор к одному лицу, может быть, Пушкина не стало б ещё в конце 1819 года, и мы не имели бы тех великих произведений, которыми он подарил нас впоследствии. Да, я доволен своим делом, хорошо или дурно оно было исполнено. И я ныне могу сказать, как старый капрал Беранже: “Puis, moi, j’ai servi le grand homme!” (*Прим. ред.* – дословно с *фр.* “Тогда я служил великим человеком!” Возможен также смысловой перевод, как “Тогда я совершил великое дело”).

Обязан прибавить, что до смерти Пушкина и Денисевича я ни разу не проронил слова об этом происшествии. Были маленькие неприятности у Денисевича в театрах с военными, вероятно, последствия этой истории, но они скоро кончились тем, что мой майор ускакал скоро из Петербурга.

Через несколько дней увидал я Пушкина в театре: он первый подал мне руку, улыбаясь. Тут я поздравил его с успехом “Руслана и Людмилы”, на что он отвечал мне:

– О! это первые грехи моей молодости!

– Сделайте одолжение, вводите нас чаще такими грехами в искушение, – отвечал я ему.

По выходе в свет моего “Новика” и “Ледяного дома”, когда Пушкин был в апогее своей славы, спешил я послать к нему оба романа, в знак моего уважения к его высокому таланту. Приятель мой, которому я поручал передать ему “Новика”, писал ко мне по этому случаю 19 сентября 1832 года:

“Благодарю вас за случай, который вы мне доставили, увидеть Пушкина. Он оставил самые приятные следы в моей памяти. С любопытством смотрел я на эту небольшую, худенькую фигуру и не верил, как он мог быть забиякой... На лице Пушкина написано, что у него тайного ничего нет. Разговаривая с ним, замечаешь, что у него есть тайна – его прелестный ум и знания. Ни блесок, ни жеманства в этом князе русских поэтов. Поговоря с ним, только скажешь: “Он умный человек. Такая скромность ему прилична”».

Я не случайно привёл столь длинную цитату. Иван Иванович Лажечников в своём повествовании особо отметил, что пришёл в ужас от одной мысли, что талантливый поэт мог быть убит неучем, даже не слышавшим о шедеврах русской поэзии. Любителем заурядных спектаклей. Ведь Пушкин высмеивал в театре серость, которую смотреть было невозможно. Впрочем, он впоследствии признал, что вёл себя в театре неправильно. В письме к князю Петру Андреевичу Вяземскому признался, что его поведение напоминает одну из «мальчишеских проказ, которые повторять не следует».

Дуэль с майором Денисевичем вполне могла стоять Пушкину жизни. Недаром Иван Иванович Лажечников, предотвративший её, в своей характеристике отметил, что Денисевич вряд ли что-то читал, кроме карамзинской «Бедной Лизы», ну и ещё каких-то произведений этого, случайно известного ему автора. Театр Денисевич знал и любил, чего нельзя сказать о литературе. То есть Денисевич стремился бы убить противника...

А ведь многих противников останавливало именно понимание того, кем являлся Пушкин. Мы увидим подтверждение этих слов в дальнейшем повествовании.

Сплетник Рылеев в Пушкина стрелял всерьёз

Были и такие фокусы. Сам оскорбил, сам и убить старался...

Пока с дуэлями всё обходилось. Но вот Пушкин стал жертвой клеветы будущего декабриста Рылеева, распускавшего слухи о том, что Александра Сергеевича высекли розгами в III отделении. Причём намечались сразу два поединка, один из которых – с очень жестоким дуэлянтом, уже отправившим на тот свет свыше десяти человек. Называли цифру – одиннадцать.

Первым из противников был Кондратий Рылеев, вторым – граф Пётр Толстой.

Наиболее опасным противником был Толстой... О нём, как о дуэлянте, ходили целые легенды. К примеру, однажды кто-то из близких друзей пригласил Толстого в секунданты. Толстой дорожил этим своим другом и переживал, понимая, что шансов у того выжить весьма немного. Тогда он ещё до дуэли друга вызвал сам его противника и убил его, чем и обеспечил спасения от гибели.

Называть убийцей дуэлянта, отправившего на тот свет одиннадцать человек, мы едва ли имеем право, поскольку таковы были нравы, он – Толстой – на дуэлях вёл себя честно,

не так, как вели себя подленькие и трусливые европейские рыцари, подобные Дантесу. Ну а что касается дуэлей вообще, то ведь и Пушкин уделял таковым поединкам немало внимания, правда, он никого не убил и, как правило, разряжал свой пистолет в воздух, правда, перед тем выдерживал выстрел своего противника.

Причина же конфликта с Рылеевым и Толстым была, особенно по тем временам, очень и очень весомой. Пушкин вынужден был защищать свои честь и достоинство от низкой клеветы, авторами которой были Толстой и Рылеев. Рылеев, к тому же, явился старательным разносчиком омерзительных выдумок о Пушкине по литературным салонам. Что им руководило? Скорее всего – банальная зависть. Ведь Рылеев тоже слагал рифмы.

И тот, и другой имели причины ненавидеть Пушкина. Завядлый картёжник Толстой неоднократно был уличён Пушкиным в шулерстве. Толстой особенно и не оправдывался, скорее даже признавал, что игру ведёт нечестно...

А. Н. Вульф, добрый приятель Пушкина, с которым тот подружился в соседнем с Михайловским Тригорском во время своей ссылки, вспоминал:

«Между прочим, надо и то сказать, что Пушкин готовился одно время стреляться с известным, так называемым американцем Толстым... Где-то в Москве Пушкин встретился с Толстым за карточным столом. Была игра. Толстой передернул. Пушкин заметил ему это. “Да, я сам это знаю, – отвечал

ему Толстой, – но не люблю, чтобы мне это замечали”. Вследствие этого Пушкин намеревался стреляться с Толстым и вот, готовясь к этой дуэли, упражнялся со мною в стрельбе».

Фаддей Булгарин так охарактеризовал Толстого:

«Умён он был, как демон, и удивительно красноречив. Он любил софизмы и парадоксы, и с ним трудно было спорить. Впрочем, он был, как говорится, добрый малый, для друга готов был на всё, охотно помогал приятелям, но и друзьям, и приятелям не советовал играть с ним в карты, говоря откровенно, что в игре, как в сраженье, он не знает ни друга, ни брата, и кто хочет перевести его деньги в свой карман, у того и он имеет право выигрывать».

Пушкин написал эпиграмму:

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружён,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он – слава богу –
Только что картежный вор.

И не только... В послании «Чаадаеву», именно «Чаадаеву», а не «К Чаадаеву», Пушкин вывел графа Толстого весьма узнаваемо...

(...)

Но дружбы нет со мной. Печальный вижу я
Лазурь чужих небес, полдневные края;
Ни музыки, ни трудов, ни радости досуга –
Ничто не заменит единственного друга.
Ты был целителем моих душевных сил;
О неизменный друг, тебе я посвятил
И краткий век, уже испытанный Судьбою,
И чувства – может быть спасённые тобою!
Ты сердце знал моё во цвете юных дней;
Ты видел, как потом в волнении страстей
Я тайно изнывал, страдалец утомлённый;
В минуту гибели над бездной потаённой
Ты поддержал меня недремлющей рукой;
Ты другу заменил надежду и покой;
Во глубину души вникая строгим взором,
Ты оживлял её советом иль укором;
Твой жар воспламенял к высокому любовь;
Терпенье смелое во мне рождалось вновь;
Уж голос клеветы не мог меня обидеть,
Умел я презирать, умея ненавидеть.
Что нужды было мне в торжественном суде
Холопа знатного, невежды <при> звезде,
Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картежный вор?
Оратор Лужников, никем не замечаем,
Мне мало досаждал своим безвредным лаем.

Мне ль было сетовать о толках шалунов,
О лепетаньи дам, зоилов и глупцов
И сплетней разбирать игривую затею,
Когда гордиться мог я дружбою твоею?
Благодарю богов: прошел я мрачный путь;
Печали ранние мою теснили грудь;
К печалям я привык, расчёлся я с Судьбою
И жизнь перенесу стоической душою.

Стихотворение датировано 20 апреля 1821 года. Напечатано же было лишь в № 35 журнала «Сын Отечества» за 1824 год.

Обратите внимание на строки:

Или философа, который в прежни лета
Развратом изумил четыре части света,
Но, просветив себя, загладил свой позор:
Отвыкнул от вина и стал картёжный вор?

Пушкин отдавал должное уму и храбрости Толстого. Но прощать обиду не собирался. Хотя, справедливости ради, не позволил издателям поменять его слова «или философа» на «глупца философа».

Издателям он написал:

«Там напечатано глупца философа; зачем глупца? стихи относятся к Американцу Толстому, который вовсе не глупец».

Ну и тем самым признал, кому адресован это жёсткий вы-

пад.

Досталось графу Фёдору Толстому и от Александра Сергеевича Грибоедова. В своём бессмертном «Горе от ума», которое до издания распространялось в списках, Грибоедов отозвался о графе весьма нелицеприятно:

Не надо называть, узнаешь по портрету:
Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист;
Да умный человек не может быть не плу́том.
Когда ж об честности высокой говорит,
Каким-то демоном внушаем:
Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, и мы все рыдаем.
Вот люди, есть ли им подобные? Навряд...
Ну, между ими я, конечно, зауряд,
Немножко поотстал, ленив, подумать ужас!
Однако ж я, когда, умишком понатужась,
Засяду, часу не сижу,
И как-то невзначай, вдруг каламбур рожу.
Другие у меня мысль эту же подцепят,
И вшестером, глядь, водевильчик спелят,
Другие шестеро на музыку кладут,
Другие хлопают, когда его дают.
Брат, смейся, а что любо, любо:
Способностями бог меня не наградил,
Дал сердце доброе, вот чем я людям мил,

Совру – простят...

Фёдор Иванович Толстой на одном из списков сделал правку:

Фразу «В Камчатку сослан был» заменил на «В Камчатку чёрт носил», пояснив, что его туда никогда не ссылали. Ну и не понравилась ему фраза «и крепко на руку нечист». Он поправил: «в картишках на руку нечист», тоже снабдив пояснением: «Для верности портрета сия поправка необходима, чтоб не подумали, что ворует табакерки со стола».

Он высказал неудовольствие самому Грибоедову. На что автор «Горе от ума» заявил:

– Но ты же играешь нечисто.

Граф не согласился и сказал:

– Только-то? Ну, ты так бы и написал.

Толстой побывал на одной из первых постановок «Горя от ума». Это произвело в зале оживление. Зрители собрались, знакомые с произведением. Кто в списках читал, а кто уже и в книге.

И вот дело дошло до сцены, в которой герой Репетилов произнёс монолог. Граф встал и своим громовым голосом объявил:

– Взяток, ей-богу, не брал, потому что не служил!

Зал взорвался аплодисментами.

Граф Фёдор Толстой был знаменит не только шулерством, но и своими амурными победами, по причине которых и сам

нередко подвергался нападкам сплетников. И вдруг, неожиданно для всех в январе 1821 года он женился на танцовщице Авдотье Максимовне Тугаевой (1796–1861). Общество было удивлено, ведь Тугаева была цыганкой. Любовные отношения с Тугаевой были у него давно, но это для общества не внове.

Дочь художника графа Фёдора Петровича от первого брака с Анной Фёдоровной Дудиной (1792–1835), писательница Марья Фёдоровна Каменская (1817–1898), рассказала о женитьбе графа Фёдора Толстого следующее:

«Раз, проиграв большую сумму в Английском клубе, он должен был быть выставлен на чёрную доску за неплатёж проигрыша в срок. Он не хотел пережить этого позора и решил застрелиться. Его цыганка, видя его возбуждённое состояние, стала его выпрашивать.

– Что ты лезешь ко мне? – говорил Ф. И. Толстой. – Чем ты мне можешь помочь? Выставят меня на чёрную доску, и я этого не переживу. Убирайся.

Авдотья Максимовна не отстала от него, узнала, сколько ему нужно было денег, и на другое утро привезла ему потребную сумму.

– Откуда у тебя деньги? – удивился Федор Иванович.

– От тебя же. Мало ты мне дарил?! Я все прятала. Теперь возьми их, они – твои.

Граф расчувствовался и обвенчался на своей цыганке».

Впрочем, к дуэли вело вовсе не это обстоятельство, а

именно низкое пасквильничество Толстого.

Возможно, желая отомстить Пушкину за разоблачение, Толстой пустил слух, что Пушкин перед отправкой в южную командировку, в Кишинёв, в распоряжение генерала Инзова, был подвергнут телесному наказанию в Третьем отделении – его попросту высекли.

Это было ложью, но, благодаря Кондратию Рылееву, так называемому поэту – Пушкин называл его планщиком – и будущему государственному преступнику, казнённому после разгрома путча декабристов, ложь Толстого достигла литературных салонов.

Рылеев со страстью, присущей сплетникам «хуже всякой бабы», рассказывал о наказании Пушкина, развивая и дополняя то, что кратко, по-военному, рубанул сгоряча Толстой:

«Пушкина высекли в Тайной Канцелярии за оскорбление Государя в стихах».

Возмущённый Пушкин не находил себе места. У него, человека жизнерадостного, отважного, стойкого, появились, по его же признанию, мысли о самоубийстве, которые переходили в размышления об убийстве царя.

В бумагах Пушкина было найдено письмо, которое тот писал уже в 1825 году государю, признаваясь в своих мыслях. До ухода императора Александра с престола и путча декабристов оставалось всего несколько месяцев.

В черновике рукой Александра Сергеевича Пушкина было написано следующее:

«Необдуманые речи, сатирические стихи [обратили на меня внимание в обществе], распространились сплетни, будто я был отвезён в тайную канцелярию и высечен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.